

Научная статья. Политические науки

УДК 327(5)

DOI: 10.31696/2072-8271-2023-3-2-59-040-052

УЧАСТИЕ ПАРТНЕРОВ АСЕАН В ОБЕСПЕЧЕНИИ ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ЕВРАЗИИ: ПОЗИЦИЯ АНГЛИЙСКОЙ ШКОЛЫ ТМО

Александр Сергеевич КОРОЛЁВ¹

¹ НИУ ВШЭ, Москва, Россия,

askorolev@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8560-9517>

Аннотация: Статья посвящена изучению взаимодействию АСЕАН с региональными партнерами – ЕАЭС, КНР и Индией – в обеспечении политико-экономической безопасности в Евразии через призму концепции международного общества английской школы ТМО. Автор анализирует плотность двусторонних связей в противодействии коронакризису, санкциям и торговым войнам. Исследование выявило, что сотрудничество между ведущими членами евразийского пространства в борьбе с тремя вызовами зачастую носит хаотичный и асимметричный характер. В ряде случаев, например, в связке АСЕАН-ЕАЭС или ЕАЭС-Индия, двустороннее взаимодействие характеризовалось институциональной и торгово-экономической инерцией в период коронакризиса и ранее. Одновременно с этим, в период с 2014 по 2021 гг. партнеры АСЕАН, прежде всего, КНР и ЕАЭС, неоднократно прибегали к «дипломатии принуждения» и использовали дискриминационные меры в отношении друг друга, что привело к дисбалансу сил и интересов.

Совокупность этих факторов позволяет сделать вывод о несоответствии ряда базовых положений английской школы ТМО в их увязке с политико-экономическими процессами в Евразии. Таким образом, представляется некорректным утверждать о существовании международного общества в Евразии применительно к вопросам обеспечения политико-экономической безопасности на примере АСЕАН и ее партнеров.

Ключевые слова: международное общество, АСЕАН, Евразия, КНР, Россия, ЕАЭС, Индия

Благодарности: Статья подготовлена за счет финансовой поддержки гранта Президента РФ для молодых ученых-кандидатов наук МК-4715.2022.2

Для цитирования: Королёв А.С. Участие партнеров АСЕАН в обеспечении политико-экономической безопасности в Евразии: позиция английской школы ТМО // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2023, Том 3, №2 (59). С. 40–52. DOI: 10.31696/2072-8271-2023-3-2-59-040-052

Original article. Political science

PARTICIPATION OF ASEAN PARTNERS IN ENSURING POLITICAL AND ECONOMIC SECURITY IN EURASIA: AN ENGLISH SCHOOL PERSPECTIVE

Alexander S. KOROLEV¹

¹ HSE University, Moscow, Russia,
askorolev@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8560-9517>

Abstract: The article is devoted to the study of the interaction of ASEAN with regional partners - the EAEU, China and India – in ensuring political and economic security in Eurasia through the prism of the concept of the international society of the English school of international relations. The author analyzes the density of bilateral ties in countering the corona crisis, sanctions and trade wars. The study revealed that cooperation between the leading members of the Eurasian space in the fight against the three challenges is often chaotic and asymmetric. In selected cases, such as ASEAN-EAEU or EAEU-India, bilateral interaction was characterized by institutional and trade-economic inertia during the corona crisis and earlier period. At the same time, from 2014 to 2021 ASEAN partners, primarily China and the EAEU, have repeatedly resorted to “coercive diplomacy” and used discriminatory measures against one another, which led to an imbalance of power and interests.

Thus, it seems incorrect to assert the existence of an international society in Eurasia in relation to ensuring political and economic security using the example of ASEAN and its partners.

Keywords: *International society, ASEAN, Eurasia, China, EAEU, India*

Acknowledgments: *The article was prepared with the financial support of the grant of the President of the Russian Federation for young scientists-PhD MK-4715.2022.2*

For citation: Korolev A.S. Participation of ASEAN Partners in Ensuring Political and Economic Security in Eurasia: an English School Perspective. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nyye problemy razvitiya*, 2023, T. 3, № 2 (59). Pp. 40-52. DOI: 10.31696/2072-8271-2023-3-2-59-040-052

Формирование региональных сообществ или комплексов безопасности традиционно привлекало внимание представителей академических кругов различных теоретических школ. Данная тема нашла отражение в работе известного политолога и социолога К. Дойча, посвященной построению сообщества безопасности на примере Евро-

Атлантического региона¹. Важный вклад в расширение теоретико-методологической рамки К. Дойча внесли Э. Адлер и М. Барнетт, сделав акцент на общей идентичности и глубоком чувстве причастности (we-feeling) в качестве базовых элементов сообщества безопасности². При анализе институтов безопасности нельзя не отметить работу отцов-основателей Копенгагенской школы МО – Б. Бузана и О. Вейвера, которые в русле конструктивизма сформулировали теорию комплекса региональной безопасности³.

Несмотря на высокую степень теоретической проработки подобных концепций, основное внимание представленных подходов уделено проблеме физического выживания государств. В то же время политико-экономические аспекты формирования различных комплексов безопасности в их взаимосвязи занимают маргинальное положение. В этом заключается одно из главных методологических ограничений работ.

Многие авторы, изучающие международные отношения в Евразии, рассматривают региональную политико-экономическую безопасность через призму гармонизации национальных систем безопасности, направленную на противодействие внешним шокам и кризисным явлениям. К примеру, А. Крылов и его соавторы указывают на необходимость объединения усилий ЕАЭС, ШОС, СНГ в борьбе с криминализацией национальных экономик стран-членов объединений и на снижение зависимости от импорта зарубежных технологий⁴.

Анализируя основные направления продвижения Большой Евразии, И. Шербак обращает внимание на рост новых проблем в регионе, которые выходят за рамки традиционных военно-политических угроз. Речь идет о финансовых и экономических санкциях и иных торговых ограничениях, которые, по мнению автора, представляют серьезную угрозу евразийской экономической интеграции⁵.

Изучение кластера академических работ позволило выявить широкий диапазон в определении аспектов политико-экономической безопасности, субъектов и инструментов ее обеспечения. Однако общим подходом, присущим большинству работ, является позиционирование экономической безопасности в качестве одного из центральных элементов безопасности, направленных на купирование существующих или потенциальных вызовов.

Теоретико-методологический инструментарий

Не претендуя на теоретическое переосмысление данного феномена, автор этой работы ограничивает свои исследовательские рамки

анализом политико-экономической безопасности в Евразии тремя проблемными кейсами – коронакризисом, санкциями и торговыми войнами и четырьмя объектами анализа – АСЕАН, КНР, ЕАЭС и Индией. В исследовании не анализируется период санкционных ограничений в отношении РФ с 2022 г. Применительно к санкциям и торговым войнам в работе используется период с 2014 по 2021 гг.

В настоящее время представленные страны и объединения играют ключевую роль в выстраивании архитектуры экономической безопасности на евразийском пространстве. В связи с тем, что акцент в работе делается, прежде всего, на экономические аспекты обеспечения безопасности, в исследовании не анализируются по отдельности ШОС и ОДКБ, которые к тому же не имеют институционализированных связей с АСЕАН в виде формата диалогового партнерства или меморандума о взаимопонимании, как в случае с ЕАЭС.

Выбор проблемных кейсов обусловлен комплексным характером данных вызовов для региона и каждого конкретного объекта анализа. Коронакризис в данном исследовании анализируется не через призму эпидемиологической проблемы, а как фактор углубления экономического кризиса и роста разногласий на мировой арене. Коронакризис, санкции и торговые войны, будучи относительно «новым» феноменом для Евразии, напрямую или косвенно влияют на экономическое положение основных ее участников.

Одновременно с этим указанные вызовы носят политизированный характер, что затрагивает стратегические аспекты развития всех шести акторов и позволяет рассмотреть их в более широком исследовательском контексте.

В качестве основного теоретического подхода в работе используется английская школа ТМО, а именно концепция международного общества (*international society*). Данный подход уделяет приоритетное внимание институтам – дипломатии, общим ценностям, балансу сил, что служит ключом к пониманию специфики и основных ограничений взаимодействия АСЕАН и ее партнеров в Евразии, а также норм и принципов, которые они транслируют в вопросах обеспечения политико-экономической безопасности в регионе.

В виду того, что не все представители этой теоретической школы уделяют внимание экономическим аспектам безопасности, в работе будет применен агрегированный подход на основе трудов Ч. Мэннинга, Х. Булла, М. Уайта, К. Холсти.

Международное общество: основные институты

Истоки концепции международного общества можно наблюдать в одноименной работе 1962 г. Ч. Мэннинга. Он определял международное общество как «сообщество суверенных государств, взаимодействие которых базируется на международном праве и общности интересов»⁶. Важной характеристикой общества является отсутствие прямой географической привязки суверенных государств к конкретному региону.

По его мнению, страны пребывают не в единых физических границах, а в общем пространстве дипломатии и международного права⁷. Более того, в своей работе исследователь прямо отмечает, что «участие в клубе» является социальным статусом, а не физическим условием⁸. Данные категории являются важными предпосылками для анализа политико-экономической безопасности в регионе, поскольку до сих пор нет четкого понимания географических границ Большой Евразии.

Х. Булл расширяет термин «международное общество», понимая под ним совокупность суверенных государств, которые разделяют общие интересы, правила и ценности, и создают общие институты. Под институтами Х. Булл подразумевал не организацию или административный механизм, а набор привычек и практик, сформированных для реализации общих целей. Всего он выделял 5 институтов: дипломатию, войну, баланс сил, управление посредством великих держав и международное право⁹. Булл также говорит о наличии комплекса правил, способствующих сотрудничеству между странами в различных сферах, включая экономическую¹⁰.

С целью более комплексного определения переменных для изучения особенностей обеспечения экономической безопасности в Евразии следует также обратиться к работе М. Уайта. Автор дает более широкую трактовку институтам, к числу которых он помимо дипломатии и международного права также относит торговлю¹¹. Для данного исследования особое значение имеет категория торговли и дипломатии, которые, по мнению Уайта, связаны между собой и составляют основу для межгосударственных переговоров.

Подход К. Холсти к определению институтов во многом схож с другими представителями английской школы ТМО¹². Однако его классификация К имеет принципиальные отличия. В своем труде он делит институты на две части: основополагающие (foundational) и процессуальные (procedural). Первые определяют фундаментальные принципы, правила и нормы, на которых основывается диалог между членами международного общества. Процессуальные институты, сре-

ди которых дипломатия, торговля, война и колониализм представляют собой повторяющиеся практики, идеи и нормы, которые регулируют/корректируют взаимодействие между акторами¹³. При этом, по мнению К. Холсти, значимость отдельных институтов – торговли возрастет, что может быть связано с общим усилением экономической связанности различных регионов мира, появлением новых технологий и способов доставки товаров.

Указанные институты будут протестированы на примере подходов и взаимодействия шести акторов в рамках обеспечения политико-экономической безопасности на евразийском пространстве. В результате данного анализа можно будет ответить на главный исследовательский вопрос работы – о возможности отнесения данных акторов в категорию международного общества в Евразии на основе изучения ключевых положений английской школы ТМО.

Коронакризис: формирование международного общества

Пандемия COVID-19 и последовавший за ним коронакризис стали катализатором разногласий на мировой арене, при этом реакция ряда евразийских игроков, в особенности ЕАЭС, КНР и АСЕАН была схожей. В частности, речь идет об апеллировании сторон к международному праву, призывы соблюдать указания многосторонних институтов, прежде всего, Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) и невозможности использования пандемии для решения своих сугубо эгоистических целей. Показательным выглядит выступление Председателя КНР Си Цзиньпина на полях 75 Ассамблеи ГА ООН в сентябре 2020 г. в ходе общих прений. Китайских лидер заявил о неправомерности попыток отдельных стран политизировать данную проблему, важности поддержания «ковидной дипломатии» и помощи развивающимся странам, признании центральной роли ООН и важности строительства сообщества единой судьбы человечества¹⁴.

Аналогичные по своей тональности формулировки можно встретить в публичных выступлениях представителей АСЕАН за указанный период. В качестве примера можно привести заявление вьетнамской стороны – председателя Ассоциации в 2020 г. в ходе 37 саммита АСЕАН о важной роли КНР в противодействии COVID-19 и восстановлении национальных экономик стран Юго-Восточной Азии во время коронакризиса, а также о позиционировании соглашения о Всеобъемлющем региональном экономическом партнерстве (ВРЭП) в качестве ключевого инструмента восстановления нарушившихся в

результате пандемии цепочек добавленной стоимости и повышения стрессоустойчивости региона¹⁵.

На практическом уровне мы также можем констатировать разный уровень солидарности и консолидации между сторонами, который существенно различается по своим масштабам. Наиболее тесно «ковидная дипломатия» в 2020-2021 гг. проявлялась в отношениях между КНР и АСЕАН. Так, вскоре после начала пандемии активизировалось многостороннее и двустороннее взаимодействие АСЕАН с партнерами в рамках АСЕАН+3 (Китай, Япония, РК), а также Совещания старших должностных лиц по вопросам развития здравоохранения АСЕАН+3 (APT SOMHD)¹⁶. Однако ключевым решением в рамках сотрудничества в формате АСЕАН+3 стало решение создать в июле 2020 г. Фонд АСЕАН по противодействию COVID-19 и региональный резерв лекарственных препаратов и медицинских средств АСЕАН при активной институциональной и финансовой поддержке Китая¹⁷. Важно отметить, что стороны совместно обсуждали не только способы нормализации эпидемиологической обстановки в странах, но и меры по восстановлению экономик в пост-кризисный период.

Попытки синхронизации своих политик наблюдались и по линии ЕАЭС-КНР, ЕАЭС-АСЕАН. Однако по этим направлениям в основном происходило обсуждение двусторонних повесток и обмен опытом по противодействию пандемии. Применительно к сотрудничеству между ЕАЭС и АСЕАН во время пандемии, главными событиями стало продление в августе 2020 г. программы двустороннего сотрудничества до 2025 г., которая была пересмотрена и адаптирована с учетом «новой нормальности» на международной арене¹⁸. В качестве примера можно также привести организацию 29 сентября 2020 г. круглого стола «ЕАЭС и АСЕАН: адаптационные механизмы стран для поддержания интеграционного развития в условиях кризиса», в котором приняли участие представители ЕЭК и Секретариата АСЕАН¹⁹.

Заметно более противоречивая ситуация наблюдалась в указанный период между КНР и Индией, где вопросы посткризисного восстановления наслонились на общий рост политических разногласий, триггером которых в 2020-2021 гг. стало обострение территориального конфликта. Примечательно, что Китай предлагал помощь Индии в борьбе с пандемией и восстановлении экономики, однако, Дели занял решительную позицию и сделал ставку на укрепление диалога с США²⁰. Дополнительным фактором напряженности выступали заявления со стороны Китая о происхождении вируса в Индии, что также

помешало выработке конструктивной повестки между сторонами в вопросах обеспечения социально-экономической безопасности.

Суммируя, коронакризис, с одной стороны, способствовал активизации дискурса об обеспечении политико-экономической безопасности на евразийском пространстве. С другой стороны, на деле он продемонстрировал отличающуюся тональность в заявлениях основных евразийских акторов, а также высокий уровень секьюритизации данной проблемы, которая наслаивается на уже имеющиеся разногласия между отдельными участниками.

Таким образом, коронакризис является ярким примером неполного соответствия институциональных подходов, присущих концепции международного общества английской школы ТМО, применительно к ведущим участникам евразийского пространства. Среди них – ставка на сотрудничество и дипломатию, взаимное признание и уважение интересов сторон, наращивание торговых связей как инструмент пост-ковидного восстановления национальных экономик.

«Санкции и торговые войны»

С точки зрения дискурсивной силы, можно заявить, что ЕАЭС, КНР, АСЕАН и Индия по ряду аспектов находятся в схожем нормативно-правовом поле применительно к вопросам односторонних санкций и торговых войн. Стороны приоритизируют ценность свободной торговли, международного права и многосторонних институтов, инклюзивности и открытости в торговле. Однако применительно к функционированию евразийских акторов и характеру их взаимодействия наблюдается ряд проблем и отличительных черт.

Первое – ряд участников евразийского пространства – Россия, Китай, Индия являются не только объектами санкционных мер, но и его инициаторами, что приводит к подрыву баланса и сил и интересов в Евразии. При этом, как было отмечено ранее, все чаще реципиентами подобных односторонних мер становятся сами евразийские акторы. Например, элементы торговой войны явно прослеживаются между Индией и КНР. В частности, в ответ на смерть индийских солдат в результате столкновения с китайскими пограничниками в линии фактического контроля в долине Галван в июле 2020 г. Нью-Дели ввел ряд ограничений в адрес Пекина. Среди них – ограниченный доступ к проектам в сфере телекоммуникационного оборудования, сети 4G, дорожного строительства вплоть до разрыва контрактов, блокировка китайских приложений, бойкот товаров, произведенных в КНР и многое другое²¹.

Описанная выше ситуация актуальна и для внешней политики КНР. В последние годы Китай все чаще становится инициатором односторонних санкций и мер экономического принуждения (*economic coercion*), которые носят неформальный и формальный характер. На примере стран ЮВА «дипломатия принуждения» сводится к широкому набору инструментов. Одним из них является использование договорных обязательств участников АСЕАН в целях формирования лояльной Китаю политической клиентелы в ЮВА, как это было с Камбоджей и Лаосом в рамках инициативы «Пояса и пути». Как подчеркивает В. Хэссдорф, КНР продвигает свою «доктрину Монро» для Восточной Азии и стремится конвертировать экономическую взаимозависимость в инструмент политического давления²².

Широко известным кейсом «санкционной» практики КНР стали неформальные ограничения в отношении Филиппин, вызванные политическими соображениями. Был введен временный запрет на отправку китайских туристических групп на Филиппины, а также ограничен импорт филиппинских фруктов (по санитарным соображениям) в качестве реакции на рост напряженности в Южно-Китайском море между Манилой и Пекином в апреле 2012 г.²³. В результате подобных мер со стороны КНР в странах АСЕАН все громче звучат опасения потери экономического суверенитета и внешнеполитического маневра.

Второе – с проблемой поиска баланса сил и интересов сопряжено и функционирование евразийских игроков внутри объединений. Так, например, Россия не консультировалась с партнерами по ЕАЭС при введении контрсанкций в отношении стран ЕС. Это отчасти привело к рассинхронизации внешнеэкономической политики ЕАЭС. Кроме того, страны-члены Союза неоднократно прибегали к использованию неправомερных торговых ограничений в отношении друг друга, зачастую под предлогом продовольственной безопасности и несоответствия санитарных и фитосанитарных стандартов. Среди показательных примеров – так называемые «молочные» и «мясные» войны между Россией и Беларусью и взаимные ограничения на поставки продовольственной продукции между Казахстаном и Киргизией.

Наряду с этим, несмотря на консенсус в качестве основного способа принятия решений в рамках ЕАЭС, экономическое доминирование РФ в объединении не позволяет в полной мере утверждать о наличии баланса сил в Союзе, что также является неотъемлемой частью международного общества.

Третье – необходимо констатировать, что, как и в случае с борьбой с коронакризисом, плотность двустороннего институционального диалога в сфере экономики и взаимных усилий по противодействию «наступательному протекционизму» существенно отличается. Так, сотрудничество по линии АСЕАН-КНР характеризует плотная институциональная и торгово-экономическая связь, которая имеет прямое отношение к обеспечению экономической безопасности в регионе. Это и двусторонняя ЗСТ, и формат полномасштабного стратегического диалогового партнерства, и вышеупомянутой АСЕАН+3, на основе которого в 2000 г. была запущена Чиангмайская инициатива для преодоления последствий Азиатского финансового кризиса 1997/1998 гг. и последующих экономических шоков. Более того, коллективным ответом АСЕАН и КНР на санкции и торговые войны является полная приверженность соглашению по ВРЭП. Страны-члены Ассоциации позиционируют соглашение в качестве важнейшего инструмента отстаивания идеи свободной и справедливой торговли и противодействия росту протекционистских настроений в мире²⁴.

В последние годы мы наблюдаем усиление двустороннего трека ЕАЭС-КНР. Еще в 2015 г. Россия и КНР приняли совместное заявление о сотрудничестве по сопряжению строительства ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути (ныне инициативы «Пояса и пути»). Кроме того, в 2019 г. вступило в силу двустороннее соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве. Оба формата не являются преференциальными и не создают прямые и быстрые выгоды для обеих сторон. Однако они закладывают основу для формирования архитектуры экономической безопасности в Евразии. Кроме того, они выполняют важную инструментальную функцию – фиксируют готовность ЕАЭС и КНР, двух важных акторов в Евразии, отстаивать принципы и ценности свободной торговли.

Наряду с этим, в силу того, что КНР и Россия, будучи крупнейшей экономикой Союза, подвержены санкционному давлению со стороны США, Китай и ЕАЭС в период 2020-2021 гг. активно обсуждали меры по снижению финансовой зависимости от доллара и западных платежных систем в пользу продвижения альтернативных инструментов, в частности, китайской China International Payments System (CIPS)²⁵.

В отдельных парах совместное наращивание экономического взаимодействия и противодействие «наступательному протекционизму» трудно реализуемо или сильно лимитировано в виду того, что сами участники вводят ограничительные меры в отношении друг друга.

Подобная ситуация применима к Индии и Китаю. Последний пример особенно характерен. Помимо вовлеченности в торговую войну друг с другом и периодического саботирования Нью-Дели китайской Инициативы «Пояса и пути», опасения Индии по поводу открытия рынков для китайской продукции привели к выходу страны из сделки по ВРЭП, что затронуло интересы не только КНР, но и стран АСЕАН.

Таким образом, комплекс описанных проблем и ограничений во взаимодействии между АСЕАН и ее партнерами поднимает логичный вопрос – означает ли подрыв евразийскими акторами основополагающих институтов в рамках английской школы ТМО несостоятельно попыток сформировать международное общество в Евразии в вопросах обеспечения политико-экономической безопасности?

Ответить на этот вопрос поможет более детальное углубление в теоретическую рамку самой концепции. В частности, Х. Булл при изучении принципов функционирования международного общества ссылается на гроцианскую традицию. Как отмечает Х. Булл, международная политика в понимании Г. Гроция не является ни полным конфликтом интересов, ни полной их конвергенцией²⁶. По мнению Х. Булла, международное общество не исключает наличия разногласий, применения «дипломатии принуждения» и смещения баланса сил в экономической, социальной или политической сферах. В своей работе он характеризует данную модель как «сосуществование» (coexistence).

На первый взгляд, примеры ведения торговых и санкционных войн на евразийском пространстве не противоречат позиции Х. Булла и позволяют говорить о сосуществовании евразийских игроков в вопросах обеспечения политико-экономической безопасности. Однако подобная модель видится теоретическим упрощением, поскольку в нынешнем виде она лишена методологической строгости и носит абстрактный характер. Опираясь на эту логику, к числу международных обществ можно отнести практически всех участников региональных и глобальных политико-экономических процессов – страны-члены СНГ, НАТО, ОДКБ, ООН, ВТО, интеграционных объединений, диалоговых площадок и т.д.

В связи с этим, представляется, что такие базовые характеристики, как взаимное признание, наличие относительного баланса сил и интересов, плотности дипломатического, торгового взаимодействия и скоординированных действий в борьбе с общими вызовами служат необходимыми элементами для международного общества применительно к процессам обеспечения политико-экономической безопасно-

сти. Представленные в рассмотрении участники евразийского пространства – КНР, ЕАЭС, АСЕАН и Индия не соответствуют указанным критериям в рамках английской школы ТМО в полной мере и, по этой причине, не могут рассматриваться как часть международного общества в Евразии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ позволил прийти к выводу о высокой значимости изучения концепции международного общества в рамках английской школы ТМО для анализа взаимодействия КНР, ЕАЭС, АСЕАН и Индии в обеспечении политико-экономической безопасности в Евразии.

Исследование выявило, что сотрудничество между ведущими членами евразийского пространства в борьбе с тремя вызовами носит хаотичный и асимметричный характер. В ряде случаев, как, например, в связке АСЕАН-ЕАЭС и ЕАЭС-Индия, двустороннее взаимодействие характеризовалось институциональной и торгово-экономической инерцией в период коронакризиса и ранее. Одновременно с этим, ключевые евразийские акторы неоднократно прибегали к «дипломатии принуждения» и использовали дискриминационные меры в отношении друг друга, что привело к дисбалансу сил и интересов.

Совокупность этих факторов позволяет сделать вывод о несоответствии ряда базовых положений английской школы ТМО в их увязке с политико-экономическими процессами в Евразии. Особенно это характерно для таких институтов, как дипломатия, торговля, баланс сил и общие интересы. Таким образом, представляется некорректным утверждать о существовании международного общества в Евразии применительно к вопросам обеспечения политико-экономической безопасности на примере шести акторов.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

КОРОЛЁВ Александр Сергеевич, кандидат политических наук, доцент, заместитель директора Центра комплексных европейских и международных исследований, НИУ ВШЭ, Москва, Россия

Статья поступила в редакцию 15.05.2023;
одобрена после рецензирования 26.05.2023;
принята к публикации 31.05.2023.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander S. KOROLEV, PhD (Politics), Associate Professor, Deputy Director of the Center for Comprehensive European and International Studies, HSE University, Moscow, Russia

The article was submitted 15.05.2023;
approved 26.05.2023;
accepted to publication 31.05.2023.

¹ Deutsch K.W. Political Community and the North American Area // Princeton University Press. 2015, 244 p.

- ² Adler E., Barnett M. *Security Communities* // Cambridge University Press. 1998, 484 p.
- ³ Buzan B. et al. *Regions and powers: the structure of international security* // Cambridge University Press. 2003, 570 p.
- ⁴ Krylov A. A. et al. *Ensuring economic security of Russia and Eurasian countries as an imperative of effective Eurasian integration* // *International Journal of Engineering and Technology (IAE)*. 2018, vol. 7, no. 4.36, pp. 893-898.
- ⁵ Shcherbak, I. *New horizons for a Greater Eurasia* // *Rivista di Studi Politici Internazionali*. 2014, pp. 545-551.
- ⁶ Manning C. A. W. *The nature of international society* // London School of Economics and Political Science. 1962. 220 p.
- ⁷ Manning C. A. W. *The nature of international society...*
- ⁸ Manning C. A. W. *The nature of international society...*
- ⁹ Bull H. *The anarchical society: a study of order in world politics* // Macmillan international Higher education. 2012, 365 p.
- ¹⁰ Bull H. *The anarchical society: a study of order in world politics...*
- ¹¹ Wight M. *Systems of states* // UNKNO. 1977, 232 p.
- ¹² Holsti, K. J., *Taming the sovereigns: Institutional change in international politics* // Cambridge University Press. 2004, 355 p.
- ¹³ Holsti, K. J., *Taming the sovereigns: Institutional change in international politics* // Cambridge University Press. 2004, Pp. 9-10.
- ¹⁴ Full text of Xi's statement at the General Debate of the 75th Session of the United Nations General Assembly // Xinhua. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2020-09/23/c_139388686.htm
- ¹⁵ Chairman's statement of the 37 ASEAN Summit Ha Noi // ASEAN org. URL: <https://asean.org/storage/43-Chairmans-Statement-of-37th-ASEAN-Summit-FINAL.pdf>
- ¹⁶ ASEAN Plus Three senior health officials reaffirm cooperation to stop spread of 2019-nCoV // ASEAN org. URL: <https://asean.org/asean-plus-three-senior-health-officials-reaffirm-cooperation-stop-spread-2019-ncov/>
- ¹⁷ Joint Statement Special Video Conference of Health Ministers of ASEAN and The United States in Enhancing Cooperation on Coronavirus Disease 2019 (Covid-19) Response. ASEAN org // URL: https://asean.org/?static_post=updates-asean-health-sector-efforts-combat-novel-coronavirus-covid-19
- ¹⁸ EAEU and ASEAN extended Cooperation Program until 2025 // Eurasian Economic Commission. URL: <http://www.eurasiancommission.org/en/nae/news/Pages/2020-08-28-6.aspx>
- ¹⁹ Gohar Barseghyan: «The pandemic has shown the need for coordinated actions at the level of integration associations» // Eurasian Economic Commission. URL: <http://www.eurasiancommission.org/en/nae/news/Pages/01-10-2020-6.aspx>
- ²⁰ China offered Covid aid to India while US dragged its feet, but Delhi isn't that keen // CNN. URL: <https://edition.cnn.com/2021/04/28/china/china-india-covid-relief-mic-intl-hnk/index.html>
- ²¹ India moves to cut Huawei gear from telecoms network // Financial Times. URL: <https://www.ft.com/content/55642551-f6e8-4f9d-b5ba-a12d2fc26ef9>
- ²² Hassdorf W. *The Nexus of Economics and Security in East Asia or: Should We Learn to Stop Worrying and Love China?* // *Ritsumeikan annual review of international studies*. 2012, no. 11, pp. 135-148.
- ²³ Кашин В.Б., Пятачкова А.С., Крашенинникова Л.С. *Китайская политика в сфере применения экономических санкций: теория и практика* // *Сравнительная политика*. 2020, № 11(2), сс. 123-138.
- ²⁴ Chairman's statement of the 37 ASEAN Summit Ha Noi // ASEAN org. URL: <https://asean.org/storage/43-Chairmans-Statement-of-37th-ASEAN-Summit-FINAL.pdf>
- ²⁵ ЕАЭС и Китай готовятся отказаться от доллара // *Ведомости*. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2020/10/26/844640-eaes-kitai>
- ²⁶ Bull H. *The anarchical society: a study of order in world politics* // Macmillan international Higher education. 2012, 365 p.